

УДК 82+821.161.1+2-1

ББК 83+83.3(2=411.2)+86.2

DOI 10.22455/2619-0311-2019-3-210-226

Катерина Корбелла

Романо Гуардини, читатель Данте и Достоевского*

Caterina Corbella

Romano Guardini, Reader of Dante and Dostoevsky

Об авторе: Катерина Корбелла, преподаватель филологического факультета ПСТГУ, Москва.

E-mail: cate.corbella@gmail.com

Аннотация: Цель данной статьи – описание принципов работы католического богослова Романо Гуардини с художественным текстом на примере его работ о творчестве Данте и Достоевского. Статья разделена на три части. В первой из них определяются те общие опоры, на которых Гуардини, Данте и Достоевский основывают понимание о мире и человеке, и особенно о том, что значит познавать мир и человека в пространстве христианской вести. Таким образом, читателю дается не только контекст размышлений самого Гуардини, но также показываются причины внутреннего родства Гуардини с данными авторами. Вторая часть представляет собой рассказ о опыте преподавания Гуардини на кафедре католического мировоззрения в Берлинском университете, и о его размышлениях о нем, поскольку именно эта работа стала некой «кузницей» его метода с художественными текстами. Последняя часть непосредственно посвящена книгам Гуардини о Данте и о Достоевском: в ней через конкретные примеры выделяются принципы работы с текстом, рассмотрены в свете вышесказанного.

Ключевые слова: Гуардини, Данте и богословие, Достоевский и богословие, богословие и литература, взгляд, католическое мировоззрение.

Для цитирования: Корбелла К. Романо Гуардини, читатель Данте и Достоевского // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2019. № 3(7). С. 210-226.

DOI 10.22455/2619-0311-2019-3-210-226

* Исследование выполнено за счет гранта РФФИ, проект № 18-012-90023 / The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-012-90023.

About the author: Caterina Corbella, Master of Philology, teacher at the Philological Faculty of STOU (Moscow).

E-mail: cate.corbella@gmail.com

Abstract: Aim of this paper is to detect the principles that guided the Catholic theologian Romano Guardini when working with literature, using as an example his works on Dante and Dostoevsky. The paper is divided into three parts. The first part identifies some key moments that Guardini shares with Dostoevsky and Dante about man and the world, most notably about the process of understanding. The reader is thus given not only the context of Guardini's thought, but also a suggestion about the reason of the closeness he felt with those authors. The second part of the paper is dedicated to Guardini's experience as professor of Catholic *Weltanschauung* in Berlin, as the course he held there became a sort of breeding ground where his method of reading literature was born. The last part of the paper focuses on Guardini's essays about Dante and Dostoevsky, and through concrete examples discloses the guidelines of his works under the light of the previous parts.

Key words: Guardini, Dante and Theology, Dostoevsky and Theology, Theology and Literature, view, Catholic *Weltanschauung*.

For citation: Corbella C. Romano Guardini, Reader of Dante and Dostoevsky. *Dostoevsky and World Culture*, Philological journal, 2019, No 3(7), pp. 210-226.

DOI 10.22455/2619-0311-2019-3-210-226

Вопрос о работе Романо Гуардини с художественным текстом – это прежде всего вопрос о взгляде. Тема особенно дорога Гуардини, который говорил:

Я хотел бы помочь другим видеть новыми глазами <...> Я хотел бы не доказывать, а помогать видеть по-новому. Представьте себе темную комнату, где висит картина. Через химический анализ можно показать утонченность красок, а через исторические документы доказать, что она является работой великолепного мастера в деле красок. Однако можно просто открыть окно напротив, и вот – свет входит, и краски сияют. Доказательства уже не нужны. Видно¹ [Gerl-Falkovitz, 1988, с. 17].

В этом примере уже присутствуют, в сжатом виде, основные моменты, на которые будем обращать внимание в статье: процесс

¹ Здесь и далее, где не указано иначе, перевод мой на основе упомянутых итальянских изданий.

познания, в котором «научный» метод не единственный, и даже не наиболее предпочитаемый; также присутствует некая реальность, чье существование не во власти познающего субъекта, и к которой обращено его внимание (висящая картина). Перед этим познающим субъектом стоит личная задача познания (*я смотрю, я вижу*); однако настоящее познание возможно лишь благодаря чему-то внешнему (свет), которое усовершенствует способности познающего органа (глаза) таким образом, чтобы он мог не только видеть реальность, которая перед ними (картина и краски), но также оценить ее (краски – дело великолепного мастера). Также важно заметить, что знание как видение происходит в одном мгновении.

Гуардини, Данте и Достоевский: учителя взгляда

Поэтому в своей книге о Данте Гуардини подчеркивает исключительную роль художника:

Художник <...> обладает врожденной предрасположенностью видеть, слышать, постигать; он видит более ясно и целостно. Он вылепливает увиденные вещи роскошно многообразными и одновременно ясно определенными. Он выделяет их из обычного течения жизни и представляет их в их собственных границах. <...> Смотрящий сможет потом войти в пространство произведения и пережить то, что недоступно и непосильно ему самому [Guardini, 1967 (2008), с. 249].

Вопрос познания как вопрос видения тесно соединяет Гуардини с Данте и Достоевским. О важности взгляда, который позволял бы по-настоящему видеть, и также о роли художника как глаза человечества, Достоевский пишет в «Дневнике писателя»:

Действительно, проследите иной, даже вовсе и не такой яркий на первый взгляд факт действительной жизни, – и если только вы в силах и имеете глаз, то найдете в нем глубину, какой нет у Шекспира. Но ведь в том-то и весь вопрос: *на чей глаз и кто в силах?* Ведь не только чтоб создавать и писать художественные произведения, но и чтоб только приметить факт, нужно тоже в своем роде художника <...> Но, разумеется, никогда нам не исчерпать всего явления, не добраться до конца и начала его. Нам знакомо одно лишь насущное видимо-текущее, да и то понаглядке, а концы и начала – это всё еще

пока для человека фантастическое [Достоевский, 1972-1990, т. 23, с. 144-145].

Цитату я привела хотя и не полностью, но в обширном виде, с оговоркой Достоевского о невозможности исчерпания «всего явления», которое есть видение «концов и начал». На то, что те «концы и начала», про которые здесь идет речь, являются отсылкой ко Христу, говорившему о себе в Откровении: «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец» (Откр. 1:8), указала Т.А. Касаткина [Касаткина, 2018, с. 31]². Отметим кстати также похожие понятия «течения жизни» у Гуардини и «насушного видимо-текущего» у Достоевского. И в том и в другом случае, художник – это тот, кто способен внутри видимо-текущего «приметить факт» и придать ему ясность формы («представляет [увиденные вещи] **в их собственных границах**»).

История «Комедии» Данте – это история приобретения взгляда, который способен по-настоящему смотреть на реальность. На это указывали разные критики, в том числе сам Гуардини. Эта динамика прослеживается прежде всего в части «Рай», где происходит постоянная «корректировка» взгляда Данте, т.е. приведение взгляда в соответствие с тем, на что он смотрит. Важнейшая составляющая этого процесса – Беатриче, через которую часто происходит эта «корректировка взгляда», и которая играет роль, схожую с той, которую играет свет в примере Гуардини о картине. Об этом говорит, например, апостол Иоанн, когда в XXVI песни «Рая» успокаивает Данте, временно ослепшего от сияния, и говорит ему, что во взгляде Беатриче «та же самая сила, которая была в руках Анании», то есть сила восстановить зрение³. Исключительная роль художника как глаза человека здесь тоже присутствует в тексте: вся «Комедия»

² Также для углубления всего вопроса о «взгляде» Достоевского отсылаем к работам Т. Касаткиной, например, к каталогу выставки: Kasatkina T. Christ lives in you. Dostoevsky. The Image of the World and of Man: Icons and Paintings / preface by Julian Carron, translated by Maria Corrigan. Castel Bolognese: Itaca. 2012. – 110 p. (также – на итальянском и испанском языках), особенно второй зал (на русском здесь: <https://t-kasatkina.livejournal.com/74770.html>), а также к книге «Священное в повседневном: двусоставный образ в произведениях Ф.М. Достоевского» [Касаткина, 2015].

³ См. Pd. XXVI, vv. 8-12 «<...> e fa ragion che sia / la vista in te smarrita e non defunta: // perchè la donna che per questa dia / region ti conduce, ha ne lo sguardo / la virtù che ebbe la man d'Anania». В других случаях сам наблюдаемый объект становится средством для этого «уравнивания взгляда».

написана «ради мира, который плохо живет»⁴. Здесь тоже можно сказать, что вещи представлены «в их собственных границах», в данном случае – в свете Божьего суда, в их вечном облике.

В связи с этим важно вспомнить, что путь Данте, который мы определили здесь как путь приобретения взгляда, связан с видением «концов и начал». Он весь направлен к одной цели: созерцанию Бога, точнее, созерцанию Христа. В конце «Комедии», в XXXIII песни «Рая», Данте видит, как множественность находит смысл и единство в Боге (стихи 85-93); созерцает Святую Троицу (стихи 115-120). Однако, как пронизательно замечает тот же Гуардини, надо обратить внимание на то, что вершина этого созерцания – не Троица сама по себе, а тайна Воплощения Христа [Guardini, 1967 (2008), с. 124-125]. Именно в момент созерцания тайны Воплощения заканчивается видение Данте, то есть заканчивается и текст, поскольку цель того и другого достигнута (стихи 127-145). Таким образом, для обоих писателей, вопрос о полноте видения (видения, но и видения, как показывает нам Данте) оказывается связанным с вопросом о Христе. Дальше мы увидим, каким образом эта связь существует для Гуардини.

Естественно, пространство статьи не позволяет исчерпать все особенности выделенных моментов у каждого автора (Данте, Гуардини, Достоевский), и надо иметь в виду, что особенности эти есть и что нельзя свести их всех к одному и тому же мироощущению и миропониманию. Однако именно эти моменты представляют собой некие «смысловые узлы» мировоззрения, общего для всех троих. Как говорит Т.А. Касаткина в каталоге выставки, посвященной взгляду Достоевского на мир, «мы говорим не только о творчестве Достоевского, не только о христианском искусстве, мы говорим о христианском способе видеть мир. Этому видению мира нас учат поэты и художники. Они учат нас этому, предоставляя свой глаз» [Kasatkina, 2012].

На кафедре Католического *Weltanschauung*

В «Записках к автобиографии», опубликованных уже после смерти Гуардини, говорится о сложностях, которые он с юношеских лет испытывал в жестких рамках признанной науки. Он говорит о своей

⁴ См. Pg. XXXII, vv. 103-105: «Però, in pro del mondo che mal vive, / al carro tieni or li occhi, e quel che vedi, / ritornato di là, fa che tu scrivi».

«нечувствительности к вопросу о разделении дисциплин» и о своем сложном отношении с принятыми методами и целями:

В начале века, слово «наука» обозначало или естественные науки, или историю. В католической среде ситуация не отличалась от общей <...>. «Научно» заниматься богословием означало обнаружить, что говорилось в какое-то время или какой-то личностью о каком-то вопросе. Однако это меня никогда не интересовало, и до сих пор меня не интересует. <...> меня интересовало не то, что люди говорили о христианской истине, а то, что истинно. Таким образом, я долго жил в фальшивой ситуации: с одной стороны, я хотел исследовать и выразить нечто, имеющее научную силу, с другой стороны, я не мог этого сделать в той единственной форме, которая признавалась научной. Кроме того, я не знал, как это делать так, чтобы это нравилось мне и убеждало других. Долгие годы я был вынужден работать историческим методом, не имея возможность использовать его как следует, а когда я старался выразить то, что мне на самом деле важно, у меня всегда возникало ощущение, будто мои критики не могли понять, к чему это все [Guardini, 1986, с. 25].

История первой попытки молодого Гуардини выбрать тему для диссертации может служить хорошим примером вышесказанного и поможет нам продвинуться дальше. Заинтересовавшись подборкой молитв в утреннем правиле, Гуардини хотел лучше понять критерии его составления и основные мысли, выраженные в нем, и с такими вопросами подошел к профессору по литургике, который сказал ему, что это, скорее всего, литература, а не богословие. Проект провалился, однако тема литургии будет всегда близка Гуардини, который впоследствии ей посвятит некоторые из самых известных своих работ. Литература тоже никуда не делась: многие работы Гуардини посвящены писателям и поэтам – кроме Данте и Достоевского, в сфере его любимых авторов можно обнаружить Рильке, Гёльдерлина, Гете, Паскаля, Августина и др.

Литература и литургика: в ситуации господствующей «научности», ставившей перед собой жестко ограниченные методы и цели, близость Гуардини к этим сферам уже говорит о человеке, ищущем целостность, поскольку художественное произведение (и здесь уместно вспомнить также любовь Гуардини к изобразительному искусству), как и литургическое действие, воспринимаются именно как целое.

В 1923 г. Гуардини приглашают в университет Берлина в качестве профессора на кафедру религиозной философии и католического мировоззрения (*Weltanschauung*), которая была основана по указанию Министерства культуры и образования. Оказалось, что роль Гуардини была придумана руководством исключительно с целью защиты меньшинства: от него требовалась лишь духовная поддержка студентов-католиков и их ассоциаций в ситуации враждебности со стороны протестантского окружения. Таким образом, Гуардини, который, как он утверждает, «никогда не согласился бы на такую задачу», вынужден сам прояснить и создать для себя несуществующую концепцию курса, исходя из своей уверенности в том, что «академическое преподавание может осуществляться лишь как поиск истины посредством ясного метода» [Guardini, 1986, с. 51-52].

В данном случае, чтобы найти подходящий метод для такого поиска, надо было понять, что такое католическое *Weltanschauung*. На этот вопрос Гуардини старается найти ответ в 1923 г. в своем вступительном слове «О католическом *Weltanschauung*» [Guardini, 1994]. Слово *Weltanschauung*, которое можно перевести как «мировоззрение» содержит в себе слово *Anschauung*, которое связано и с понятием **видения**, и с понятием **интуиции** – и таким образом возвращает нас к проблемам, очерченным раньше. Также слово говорит об интуиции и/или видении **мира** (*welt*), то есть некоего целого (точнее – не «некоего» целого, а целого по определению). Значение слова – неоднозначно, поскольку «каждый придает ему свое значение» [Guardini, 1994, с. 13], поэтому лучше обращаться к словам самого Гуардини: «Что мы подразумеваем под *Weltanschauung*? Мы подразумеваем некий акт, направленный <...> к познанию целостности явлений <...> этот познавательный акт касается особым образом конкретной и неповторимой уникальности этого мира <...> акт *Weltanschauung* обозначает также *оценивать, взвешивать*» [Guardini, 1994, с. 16]. Для Гуардини важно отделить понятие *Weltanschauung* от теоретических наук, в том числе от философии (и особенно от метафизики), но также и от практического действия творчества. *Weltanschauung* – это не некая теория о мире, и это также не творческий акт: как сказано в цитате, это «созерцательное» и «познавательное» действие [Guardini, 1994, с. 16], направленное на конкретные явления. *Weltanschauung* рассматривает каждое явление «как единое целое и часть единого целого» [Guardini, 1994, с. 17].

Однако – что такое **католическое** *Weltanschauung*? Точкой опоры для Гуардини в решении этого вопроса, с одной стороны, является убежденность, что цель его академической деятельности – поиск истины, а не систематизация разных мнений об истине, что обычно подразумевалось под *Weltanschauung*. С другой стороны, уже со студенческих лет он понимал, что смысл веры – это «проживание жизни внутри пространства Откровения, и возможность оттуда видеть мир, который уже и есть творение Бога, открывавшего себя в свете своей собственной истины» [Guardini, 1986, с. 52]. «Взгляд *Weltanschauung* – это взгляд Христа» на мир [Guardini, 1994, с. 32]; взгляд, который Он передал своим ученикам, и который продолжается в истории до сих пор через Церковь, несмотря на ее греховность, слабость и ограниченность. Этот вопрос возвращает нас к «концам и началам» Достоевского.

Таким образом «христианское *Weltanschauung* – это взгляд на мир, который становится возможным благодаря вере; доктрина о *Weltanschauung* же – это теоретическое исследование предпосылки и содержания этого взгляда» [Guardini, 1986, с. 52]. Догмат по своей настоящей природе – это не принудительная сила со стороны Церкви, а «система координат верующего сознания, которое – именно исходя из Откровения – **открывается всей реальности во всей полноте**» [Guardini, 1986, с. 52]. Последние слова важны: по мнению Гуардини, только такое сознание будет по-настоящему «католическим», то есть «вселенским» и «соборным», поскольку оно является не очередным мнением в ряду других частных мнений, а всеохватывающим взглядом, способным исполнить все аспекты истины, присутствующие в других мировоззрениях.

Исходя из этих предпосылок, со временем Гуардини формирует три больших группы занятий: 1) лекции, посвященные вопросам существования (например, вопросам этики или христианской антропологии); 2) лекции по Новому Завету; 3) лекции, посвященные толкованию религиозных, философских и поэтических текстов и авторов. Гуардини подчеркивает, как во всех трех случаях лекции исходили «исключительно из феномена» – отталкивались от обнаружения сути проблемы, от рассказа Евангелия или от художественного текста [Guardini, 1986, с. 55]. То есть, это были именно занятия **пристального взгляда** на мир. При этом пристальном взгляде растет не только сознание о мире, но также сознание об источнике того света, который позволяет видеть, который есть присутствие Христа.

Работа с художественным текстом: пример Данте и Достоевского

Раньше я говорила о постоянной «корректировке» взгляда Данте в «Комедии», и важно здесь подчеркнуть, что это возможно лишь при попытке **смотреть**. То же самое происходит с взглядом, свойственным католическому *Weltanschauung*. Смотреть на мир внутри пространства Откровения – это не процесс утверждения своей правоты, достигнутой раз и навсегда, а путь. Данте может видеть лишь благодаря внешнему свету-Беатриче, однако видеть невозможно без его собственного решения и увлечения. Чтобы видеть, нужен свет, но также нужно, чтобы субъект смотрел – и это, с одной стороны, не само собой разумеющийся факт; с другой стороны, это всегда риск. Пишет Гуардини:

Я старался, по мере своих сил, встать перед самим вопросом, и понять его, войти в тексты как можно глубже, работать на них исходя из них самих. Понятно, в этом был большой риск. Можно сказать, в этом и высокомерие было. Предполагалась моя способность ставить проблему, исходя из самого объекта, достичь подлинного отношения с текстом и с его содержанием. Я не знаю, в какой мере это все осуществлялось: другого пути для меня не было, надо было его пройти до конца, или утонуть [Guardini, 1986, с. 56-57].

Попробуем сейчас выявить в работах, посвященных Данте и Достоевскому, те принципы работы с художественным текстом, которые рождаются из вышесказанного. Прежде всего, кратко об их природе, потому что это уже говорит об их содержании. Эти тексты являются поздней переработкой уже существующих очерков: можно сказать, что они являются в своем роде итогами некоего длинного общения с авторами и текстами⁵. Именно поэтому нередкое явление в них – повторения. Эти повторения, однако, приобретают новое значение каждый раз, благодаря тому разному контексту, в котором они появляются, и также благодаря тому пути, который читатель уже проделал вместе с Гуардини. Таким образом, сама форма этих

⁵ Книга о Достоевском выходит впервые в 1932 г. и соединяет разные эссе, самое раннее из которых вышло в 1925 г. [См.: Корбелла, 2019, с. 148]. Вопрос о Данте занимал Гуардини более систематично начиная с 1930 г. Итальянскому автору он посвящает две работы, первая вышла в 1951 г. («Der Engel in Dantes göttlicher Komödie»), вторая в 1957 г. («Landschaft der Ewigkeit»). Оба представляют с собой по большей части уже напечатанные материалы. См. [Guardini, 1967 (2008), с. 373].

текстов говорит о работе герменевтического круга, проделанной Гуардини, в которой и детали, и целое приобретают при каждом шаге новую глубину.

Пристальное внимание к тексту отражается также в двух моментах, которые оговорены в предисловиях, касающихся напрямую метода работы. Первый момент – это решение предоставлять автору слово как можно чаще⁶; второй – редкое упоминание критических работ, в связи с желанием отталкиваться исключительно от феномена (в данном случае, от произведения), как было сказано раньше. Стоит смотреть, в каких именно случаях это обращение к другим критикам появляется. В книге о Достоевском это – упоминание работы З. Фрейда о «Братьях Карамазовых», где Гуардини замечает опасность толкования текста в психологическом направлении, которое сам когда-то предпринимал⁷. В работах о Данте это – работа Эриха Ауэрбаха «Данте – поэт земного мира». Гуардини говорит, что эта книга, посвященная исключительно отношению между небом и землей, присутствующему в «Комедии», «открыла ему дверь» к произведению, хотя тогда он «не сумел переступить порог» [Guardini, 1967 (2008), с. 371]. В обоих случаях, можно заметить, как работа других критиков становится толчком к изменению взгляда исследователя-читателя, и ее упоминание – это скорее дань благодарности, чем цитаты в том смысле, как мы это обычно понимаем. То есть, Гуардини неинтересно уведомлять читателя о правильных (Э. Ауэрбах) или неправильных (З. Фрейд) заключениях по поводу исследуемых авторов. Упоминания других критиков выделяют динамику работы с материалом как динамику изменения взгляда⁸.

⁶ В работе о Достоевском: «В ходе исследования я стремился предоставить слово самому Достоевскому, сводя воедино как можно больше из речей и жестов его персонажей, из переплетений и чередования романских событий. Поэтому в книге оказалось большое количество цитат, в частности и довольно пространных» [Гвардини, 2009, с. 11]; в работе о Данте: «Критерий, согласно которому в предыдущих очерках о Достоевском, Паскале, Августине я предоставлял слово автору как можно чаще, мне до сих пор кажется правильным» [Guardini, 1967 (2008), с. 11].

⁷ «Эти строки [об «идеализации отцеубийственной воли Ивана». – К.К.] были написаны до моего знакомства с работой З. Фрейда “Достоевский и отцеубийство”, которые поставили передо мной вопрос о том, позволено ли толковать текст в таком русле» [Guardini, 1995, с. 140].

⁸ В работах о Данте встречается и иной вид ссылок: 1) отсылки к произведениям, исследующим не самого Данте, а разные аспекты контекста, необходимого для Гуардини (например, понятие света в Средневековом богословии, фигура *Verseker* в традиции северной Европы, работа К. Юнга «Тайна золотого цветка», и др.); 2) внутренние отсылки, или отсылки к другим произведениям самого Гуардини. Этот факт очередной раз свидетельствует с одной стороны о герменевтическом круге, с другой – о каком-то едином разговоре

Второй момент – с какой целью Гуардини подходит к тексту. Заметим, и об этом скоро поговорим подробнее, что главный вопрос к тексту уточняется в диалоге с каждым автором. Однако самый первый ответ на этот вопрос мы уже видели: цель академической деятельности – это поиск истины. Книги Гуардини, с одной стороны, всегда очень четкие в обнаружении объекта исследования (об этом свидетельствует тот факт, что отдельные главы родились как маленькие очерки, посвященные одному тексту, образу, мотиву и т.д.), с другой стороны, достаточно широкие с точки зрения поставленной цели. Через конкретные произведения он собирается исследовать то, как автор смотрит на мир и на человека. Еще больше – он собирается этот взгляд оценивать, как говорит в другой работе, посвященной Рильке: «Читатель не только может, но он и обязан принимать всерьёз утверждение поэта и проверять правильное ли оно, попадает ли оно в цель» [Castangia, 2011, с. 225].

За этим стоит уверенность, что великий поэт – всегда великий мыслитель. Об этом сказано прямо и повторно в работе о Данте, в том числе – что нельзя воспринимать его мысль как совокупность разных элементов, существовавших до него: ее надо почерпнуть из текста как собственное и оригинальное видение мира, которое хотя рождается от некоего культурного контекста, но к нему никак не сводится. Поэт является всегда «пророком»; «толкователем существования», и его мысль надо обнаружить «в образах, как и в размышлениях, в действиях, как и в диалогах, в структуре <...> как и в понятиях» [Guardini, 1967 (2008), с. 190].

Восприятие художественного текста как выражение определенного видения мира, определенной «философии» (если мы не сводим это слово к рамкам академической дисциплины), возможно лишь тогда, когда мы воспринимаем искусство как способ познания мира – то есть, когда мы соглашаемся с познавательной ценностью образа и символа. Об этом Гуардини писал в отдельных работах, но конкретные примеры такой позиции в интересующих нас текстах встречаются многократно. В связи с книгой о Достоевском это видно прежде всего в его способности узнавать в героях русского автора, хотя в зачаточном виде, что-то похожее на то, что Татьяна Касаткина назвала «двусоставный образ» – интуиция, о которой я уже говорила в другом месте

по поводу основных вопросов о мире и человеке, к которым Гуардини подходит разными способами и через разных авторов.

[Корбелла, 2019, с. 153-154]. Эта интуиция становится ключевой для толкования фигуры Мышкина, который Гуардини определяет как «символ Христа». В работах о Данте это очевидно прежде всего в том пристальном внимании, которое Гуардини уделяет архитектуре дантовского мира, или в главе, посвященной «розе блаженных», где Гуардини прибегает к психологии Юнга и к традиции Востока, чтобы читатель мог осязать всю глубину этого образа, его соответствие со структурой мира и человека [Guardini, 1967 (2008), с. 164-167]

Символ познается через видение и в одно мгновение; также он познается сразу как единое целое, хотя его значение раскрывается во времени. Оно познается **сердцем**, которое является для Гуардини познающим органом, согласно длинной христианской (но не только) традиции. Значение символа неисчерпаемо – в этом состоит величие художественных произведений, в которых иногда открывается глубина, незнакомая самому автору, хотя именно он и «зачал» ее. Об этом тоже речь идет в обеих книгах, однако, в книге о Данте эта мысль наиболее точно выражена. Стоит здесь привести обширную цитату:

Мы могли бы спрашивать себя, действительно ли поэма сознательно содержит такие тонкости. Прежде всего, надо сказать, что Данте знает многое <...>. Однако, даже несмотря на это, произведение поэта шире самой его личности. Произведение великого поэта <...> не просто выражение его личности <...> через него творит само существование. Быть творческим обозначает быть способным стать органом. Творчество творит нечто вроде вторичной реальности, в котором существуют глубины, неизвестные самому автору. Стоит ли делать вывод о характере ребенка исходя из уровня знания и опыта матери в то время, когда она носила его во чреве? Конечно, он ее сын, но он не сын ее субъективности. Мать – орган существования. Хотя она дает сыну свою кровь, сын получает свой собственный закон от самого себя, точнее сказать, он его получает от Всего. Посредством матери он обретает прямую связь с бытием. <...> **Задача интерпретации - объяснить произведение, обратившись к самому произведению в его соотношении со всем существующим. Конечно, мы должны быть внимательными, чтобы не заменить личность произведения нашей субъективностью** [Guardini, 1967 (2008), с. 52].

Итак, как узнавать этот «собственный закон», как заметить «личность произведения», не заменяя ее нашей субъективностью? Сейчас мы можем вернуться к тому, что говорилось раньше: вопросы к тексту выясняются по ходу работы Гуардини с ним. Главные проблемы произведения должны быть узнаны читателем внутри непосредственного диалога с автором, и они будут зависеть от того взгляда на мир, который произведение носит в себе. Читатель должен найти ту необходимую точку зрения, которая позволит ему увидеть. В труде о Данте основополагающий вопрос для приближения к художественному тексту поставлен прямо: «Какого рода взгляда, подхода, усилия поэт требует от своего читателя или слушателя?» [Guardini, 1967 (2008), с. 137-138].

Посмотрим на предисловие к труду о Достоевском. Гуардини долго рассказывает о долгих предпринимавшихся им попытках «ориентироваться» в мире Пятикнижия, и потом пишет: «Все это венчал вопрос о собственно религиозном содержании романов Достоевского. В поисках ответа на него была предпринята попытка проанализировать феномен религиозных актов и форм существования на общем фоне “взаимозависимого бытия” (ruckverbundenen Daseins)» [Guardini, 1995, с. 9].

Заметим два момента. Первое: вопрос о религиозном содержании пяти романов «венчает» длинный путь Гуардини, то есть он оказывается основополагающим для понимания Достоевского вследствие длинного пути повторного и внимательного чтения. Второе: вопрос по сути определяется тем, как Достоевский видит мир и человека – в перспективе «взаимозависимого бытия», то есть Достоевский видит мир в религиозном («religere», лат. «связать») ключе. В течение всего труда неоднократно речь идет об ощущении непосредственной связи между творением и Творцом, которое, по мнению Гуардини, свойственно сознанию Достоевского и всего русского народа. Именно такое сознание становится той точкой, через которую можно войти в мир Достоевского и рассматривать его. Однако Гуардини обнаруживает голос русского автора прежде всего в сопоставлении разных позиций во время диалогов, и вопрос об образе, хотя присутствует в тексте, остается второстепенным вплоть до последней главы, посвященной «Идиоту». Таким образом, видение мира Достоевского для него открывается лишь частично, как я уже говорила в вышеупомянутой статье.

В книге о Данте проблема образа оказывается в центре внимания, и здесь встречаются понятия видения и видения. Гуардини рассказывает, как текст Данте стал ему понятен в тот момент, когда при очередной чтении первой песни Ада он вдруг спросил себя – где же возможно такое, что зверь уже готов напасть на свою добычу, но **не достигает ее?**⁹ Только во сне. Гуардини обнаруживает множество примеров в тексте Данте, где привычные для нас понятия присутствия/отсутствия, времени и места сбиваются. И добавляет – такое бывает не только во сне, но также в видениях, которые притом имеют возможность более обширного и структурированного развития¹⁰. В течение всего текста Гуардини повторяет: для того, чтобы что-либо понять в поэме, надо принять гипотезу о том, что Данте было дано пережить каким-то образом этот опыт видения. Почему же важно это принять? Именно потому, что взгляд Данте должен стать нашим. Более того, постоянная «корректировка» взгляда Данте должна произойти и с нашим взглядом. Если это не произойдет, произведение для нас будет закрытым: «читатель должен вместе с Данте осуществлять это видение, если он хочет войти в рассказанное событие» [Guardini, 1967 (2008), с. 150]; «если читатель хочет понять, о чем идет речь, то каким-то образом он тоже должен пережить этот опыт видения» [Guardini, 1967 (2008), с. 168]. Еще раз – речь идет о необходимости приобретать взгляд автора для того, чтобы что-либо понять в произведении.

Во сне, как и в видении, значение передается непосредственно через образы, и то же самое происходит в дантовском тексте. Таким образом, в этом труде вопрос о взгляде поставлен гораздо яснее, чем в труде о Достоевском. Если там Гуардини думал, что голос автора передается предпочтительно словами, здесь, наоборот, он уверен, что ему надо быть внимательным прежде всего к образам, поскольку он осознает, что опыт Данте – опыт видения. Это позволяет заметить, как внутри вопроса Гуардини о взгляде автора находится

⁹ Речь идет об «Аде» (песнь I, стихи 30-60), когда Данте встречает трех зверей. «Ed una lupa, che di tutte brame / sembiava carca ne la sua magrezza, / e molte genti fé già viver grame, // questa mi porse tanto di gravezza / con la paura ch'uscita di sua vista, / ch'io perdei la speranza de l'altezza. // E qual è quei che volontieri acquista, / e giugne 'l tempo che perder lo face, / che 'n tutt'i suoi pensier piange e s'attrista; // tal mi fece la bestia senza pace. / che, venendomi 'ncontro, a poco a poco / mi ripigneva là dove 'l sol tace».

¹⁰ Об этом постоянно идет речь в книге Гуардини, и история также рассказывается несколько раз (это один из тех случаев повторения, о которых я говорила раньше). Специально проблеме видения посвящена глава «L'elemento visionario nella *Divina Commedia*» [Guardini, 1967 (2008), с. 135-170].

и вопрос о тех средствах, через которые он передается внутри произведения (словами, образами, архитектурой и т.д.).

Все, о чем мы говорили в этой последней части, было связано с вопросом о том, как узнавать «собственный закон» произведения, не подменяя его нашей субъективностью. Мы видели, как для Гуардини текст передает некий опыт взгляда, и читателю важно приобрести тот же опыт взгляда, чтобы проникнуть в мир произведения. Важно притом не забыть, что для Гуардини речь никогда не шла о простом переходе с одной точки зрения на другую, но о приобретении той «католической» точки зрения, которая позволяла бы обнять мир произведения внутри «начал и концов» реальностей (в цитате, приведенной раньше, говорилось о необходимом толковании произведения «в отношении с существованием в своей полноте»). Интересно, что именно конфессиональный момент для Гуардини является гарантией способности не поддаться субъективному взгляду. В «Заметках к автобиографии» он пишет: «У меня не было никаких иллюзий по поводу моих личных способностей; однако мне было понятно, что мое христианское католическое сознание **по широте и ясности** несравнимо с сознанием даже самого гениального неверующего» [Guardini, 1986, с. 52].

Осталось рассматривать один важнейший момент. Как приобретает этот взгляд? В обеих книгах Гуардини чувствует, что в некоторые моменты необходимо рассказывать о том личном опыте, который позволил ему войти в художественный текст. Гуардини сообщает читателю те факты (чтение текста, в том числе, является фактом), которые позволили ему менять взгляд, точнее расширять его до той меры, которая оказывается способной обнять смысл художественного текста. В книге о Достоевском это опыт чтения «Идиота», который позволяет ему понять и пережить опыт, изложенный в Евангелии от Иоанна: благодаря чтению Достоевского он понимает Евангелие. В случае Данте длинное послесловие под названием «Субъективный эпилог» показывает все шаги, которые позволили Гуардини постепенно войти в мир автора: рассказ одного друга о своем опыте любви, созвучном опыту «Новой жизни», или необыкновенный свет в горах Энгадина, при виде которого он начал понимать, почему свет так важен в разговоре о Преображении и, следовательно, почему песнь Рая – это песнь света. «Я» смотрю, «я» вижу: опыт встречи с текстом – это мое личное приключение, внутри которого я меняюсь, и при каждом изменении (которое

может возникать от самого текста, но также от внешних факторов) меняется и картина передо мной, или, точнее, – поскольку картина та же самая – появляется новый свет, который вошел в меня через опыт и входит в отношения с текстом через меня, позволяя видеть его по-новому.

Список литературы

1. Гуардини, 2009 – *Гуардини Р.* Человек и вера: Исследование религиозной экзистенции в больших романах Достоевского // Эон. Альманах старой и новой культуры. М.: ИНИОН РАН, 2009. Вып. 9. С. 8-324.
2. Достоевский, 1972-1990 – *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972-1990.
3. Касаткина, 2015 – *Касаткина Т.А.* Священное в повседневном: двусоставный образ в произведениях Ф.М. Достоевского. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 521 с.
4. Касаткина, 2018 – *Касаткина Т.А.* Смысл искусства и способ богословствования Достоевского: «Мужик Марей»: контекстный анализ и пристальное чтение // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2018. № 3. С. 12-31.
5. Корбелла, 2019 – *Корбелла К.* Романо Гуардини: присутствие Христа в текстах Достоевского // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2019. № 2. С. 146-158.
6. Castangia, 2011 – *Castangia L.* Il mondo religioso di Dostoevskij. Romano Guardini interprete dello scrittore russo. Cagliari: Università di Cagliari, 2011. URL: <http://veprints.unica.it/520/> (дата обращения: 06.08.2019)
7. Gerl-Falkovitz, 1988 – *Gerl-Falkovitz H.B.* Romano Guardini: la vita e l'opera. Brescia: Morcelliana, 1988. 528 p.
8. Guardini, 1986 – *Guardini R.* Appunti per un'autobiografia, trad. G. Penati. Brescia: Morcelliana, 1986. 165 p.
9. Guardini, 1967 (2008) – *Guardini R.* Dante. Brescia: Morcelliana, 1967 (2008). 392 p.
10. Guardini, 1995 – *Guardini R.* Dostoevskij. Il mondo religioso, trad. M.L. Rossi. Brescia: Morcelliana, 1995. 334 p.
11. Guardini, 1994 – *Guardini R.* La visione cattolica del mondo. Brescia: Morcelliana, 1994. 101 p.
12. Kasatkina, 2012 – *Kasatkina T.* Christ lives in you. Dostoevsky. The Image of the World and of Man: Icons and Paintings / preface by Julian Carron, translated by Maria Corrigan. Castel Bolognese: Itaca. 2012. 110 p. На русском языке см.: *Касаткина Т.А.* Каталог выставки «Живет в тебе Христос», публикация от 11.02.2015. URL: <https://t-kasatkina.livejournal.com/73994.html> (дата обращения: 06.08.2019)

References

1. Gvardini R. *Chelovek i vera: Issledovanie religioznoy ekzistentsii v bolshih romanah Dostoyevskogo* [Man and faith: a research about the religious existence in Dostoevsky's great romances]. *Eon. Almanah staroy i novoy kulturyi* [Almanac of old and new culture]. Moscow, INION RAN Publ., 2009, is. 9, pp. 8-234. (In Russ.)
2. Dostoyevskiy F.M. *Poln. sobr. soch.: v 30 t.* [Complete works: in 30 vols.]. Leningrad, Nauka Publ., 1972-1990. (In Russ.)
3. Kasatkina T.A. *Svyashchennoe v povsednevnom: dvusostavnyy obraz v proizvedeniyakh Dostoyevskogo* [The sacred in the ordinary: the two-folded image in Dostoevsky's text]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2015. 521 p. (In Russ.)
4. Kasatkina T.A. *Smysl iskusstva i sposob bogoslovstvovaniya Dostoyevskogo: "Muzhik Marey": kontekstnyi analiz i pristalnoe chtenie* [The Meaning of Art and the Way of Theological Discourse in Dostoevsky: "The Paesant Marey": Contextual Analysis and Close Reading]. *Dostoyevsky and World Culture*, Philological journal, 2018, No. 2, pp. 12-31 (In Russ.)
5. Corbella C. [Romano Guardini: the presence of Christ in Dostoevsky's texts]. *Dostoyevsky and World Culture*, Philological journal, 2019, No 2, pp. 146-158. (In Russ.)
6. Castangia L. *Il mondo religioso di Dostoyevskij. Romano Guardini interprete dello scrittore russo*. Cagliari, Università di Cagliari, 2011. Available at: <http://veprints.unica.it/520/> (access date: 06.08.2019) (In Italian)
7. Gerl-Falkovitz H.B. *Romano Guardini: la vita e l'opera*. Brescia, Morcelliana, 1988. 528 p. (In Italian)
8. Guardini R. *Appunti per un'autobiografia*, trad. G. Penati. Brescia, Morcelliana, 1986. 165 p. (In Italian)
9. Guardini R. *Dante*. Brescia, Morcelliana, 1967 (2008). 392 p. (In Italian)
10. Guardini R. *Dostoyevskij. Il mondo religioso*, trad. M.L. Rossi. Brescia, Morcelliana, 1995. 334 p. (In Italian)
11. Guardini R. *La visione cattolica del mondo*. Brescia, Morcelliana, 1994. 101 p. (In Italian)
12. Kasatkina T. *Christ lives in you. Dostoyevsky. The Image of the World and of Man: Icons and Paintings*, preface by Julian Carron, translated by Maria Corrigan. Castel Bolognese, Itaca, 2012. 110 p. (In English) In Russian: Kasatkina T.A. *Katalog vystavki "Zhivet v tebe Khristos"* [Catalogue of the exhibition "Christ lives in you"], posted 11.02.2015. Available at <https://t-kasatkina.livejournal.com/73994.html> (access date: 06.08.2019) (In Russ.)